

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интерпретации образа Петра I в поэзии М.И. Цветаевой. Характеризуются некоторые приёмы его создания. Выявляются пересечения цветаевской концепции личности Петра с оценками деятельности царя-реформатора, представленными в философии славянофилов, Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьёва, а также в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» и поэме М.А. Волошина «Россия». Показывается, что при изображении петровского времени в цикле «Москва» Цветаева преломляет отдельные образы и мотивы, заимствованные из живописи В.И. Сурикова («Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни»). Доказывается, что смысловая эволюция образа Петра I в цветаевской лирике укладывается в рамки триады: Пётр – противник Москвы («Стихи о Москве», «Москва»); Пётр – Антихрист, виновный в послеоктябрьских бедах России («Петру»); Пётр – «родоначальник» Пушкина («Стихи к Пушкину»). Делается вывод о том, что столь резкий перелом в интерпретации образа Петра I, произошедший в цикле «Стихи к Пушкину», свидетельствует не только об импульсивном изменении восприятия Цветаевой деятельности царя-реформатора, но и о стремлении поэтессы осветить разные грани этой противоречивой исторической личности.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, Пётр I, А.С. Пушкин, Д.С. Мережковский, М.А. Волошин, В.И. Суриков, образ, поэзия, приёмы, эволюция.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Образ Петра I в поэзии М.И. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 112–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-112-121>

Research Article

THE IMAGE OF PETER I IN THE POETRY OF MARINA TSVETAeva

Natalya G. Koptelova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Abstract. The article discusses the features of the interpretation of the image of Peter I in the poetry of Marina Tsvetaeva. Some methods of its creation are characterised. The intersections of Marina Tsvetaeva's concept of personality of Peter the Great with the assessments of the activities of the reformer tsar is presented in the philosophy of Slavophiles, Nikolay Danilevsky, Vladimir Solovyov, as well as in the novel "The Antichrist (Peter and Alexis)" by Dmitry Merezhkovsky and the poem "Russia" by Max Voloshin, and that is revealed in our article. It is shown that when depicting Peter's rule in the cycle "Moscow" Marina Tsvetaeva refracts individual images and motifs borrowed from the painting ("Feodosia Morozova" and "The Morning of the Streltsy Execution" by Vasily Surikov). It is proved that the semantic evolution of the image of Peter I in Marina Tsvetaeva's lyrics fits into the framework of the triad: Peter the Great is the enemy of Moscow ("Poems about Moscow", "Moscow"); Peter the Great is the Antichrist, guilty of the post-October troubles of Russia ("Peter"); Peter the Great is the "founder" of Alexander Pushkin ("Poems to Pushkin"). It is concluded that such a sharp change in the interpretation of the image of Peter I, which occurred in the cycle "Poems to Pushkin", testifies not only to an impulsive change in Marina Tsvetaeva's perception of the reformer Tsar's activity, but also to the poetess's desire to illuminate different facets of this contradictory historical personality.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Peter I, Alexander Pushkin, Dmitry Merezhkovsky, Max Voloshin, Vasily Surikov, image, poetry, techniques, evolution.

For citation: Koptelova N.G. The image of Peter I in the poetry of Marina Tsvetaeva. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 112–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-112-121>

В лирике М.И. Цветаевой существует мощный пласт стихотворений, которые формируют её поэтическую историософию. В поле творческого зрения Цветаевой не раз попадали самые разнообразные личности, сыгравшие ту или иную роль в мировой истории. Будучи поэтом романтического склада и чутко реагируя на вершины и бездны бытия, Цветаева не прошла и мимо фигуры Петра I, ставшей одной из самых значимых и противоречивых в русском историческом процессе.

При этом интерпретация образа Петра I в поэзии Цветаевой менялась, подчиняясь особой индивидуально-авторской логике, которая в отечественном литературоведении ещё до конца не раскрыта и детально не объяснена. Не выявлены и многие смысловые грани этого образа, возникшие в цветаевском истолковании. В предложенной статье мы рассмотрим особенности интерпретации образа Петра I в поэзии М.И. Цветаевой. Проследим его смысловую эволюцию и охарактеризуем некоторые приёмы его создания.

Первоначально образ Петра I осмысливается Цветаевой в контексте исторического и культурного противостояния Москвы и Петербурга. Возможно, этот герменевтический ракурс в определённой мере навеян и укреплен поэтическим посланием О.Э. Мандельштама, адресованным Цветаевой: «На розвальнях, уложенных соломой...» (написано в марте 1916 года). Именно Мандельштам в цикле «Стихи о Москве» поэтесса называла «гостем чужеземным» и дарила ему самое дорогое – «нерукотворной град», способный духовно возродить «вдохновенного друга»: «И встанешь ты, исполнен дивных сил... / Ты не раскаешься, что ты меня любил» [Цветаева 1: 269]. Если Цветаева всегда категорично и безоговорочно позиционировала себя как представительница московского исторического и культурного пространства [Скрипова], то Мандельштам, в свою очередь, идентифицировал себя с Петербургом. Поэтому в поэтическом диалоге с Цветаевой он, с одной стороны, охотно приобщался к миру православной Москвы, постигал неизвестные ему прежде глубины национальной истории. А с другой стороны, Мандельштам чувствовал опасность, исходящую от этого притягательного, но во многом чужого для него мира. Мотив тревожного предчувствия, неодолимой тревоги, внушённой Москвой, воплотился в двойной проекции лирического «я» Мандельштама на личности двух исторических персонажей. Как отмечает А. Саакянц, в стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...» «угадывается двойная ассоциация: два убитых царевича – маленький Дмитрий в Угличе и сын Петра Алексей, которого везут на казнь из Москвы в Петербург и с которым поэт отождествляет себя: “А в Угличе играют дети в бабки. / И пахнет хлеб, оставленный

в печи. / По улице меня везут без шапки, / И теплятся в часовне три свечи”» [Саакянц: 87].

В пятом стихотворении цикла «Стихи о Москве» Цветаева словно подхватывает и использует лирическую «подсказку» Мандельштама, в стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...» зашифровавшего, скрывшего в подтексте мотив жестокой власти Петра I. Она выводит этот мотив с периферии лирического сюжета и делает его центральным. Согласно поэтической версии Цветаевой, безграничное властолюбие, гордыня Петра рождают величайшую несправедливость, выразившуюся в отрицании Москвы как средоточия русского национального духа: «Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром» [Цветаева 1: 271]. Примечательно, что во втором двустишии поэтесса неожиданно переключает мотив отчуждения Петра от Москвы в иной смысловой регистр: она уподобляет ситуации разлома, возникшей в русской истории, личную трагедию женщины, оставленной возлюбленным, наделённым над нею почти царской властью. Так создаётся парадоксальная смысловая параллель, подчёркивающая родство судьбы Москвы и лирической героини цикла: «Гремучий опрокинулся прибой / Над женщиной, отвергнутой той» [Цветаева 1: 271].

Однако отвергнутая Петром I Москва, как и покинутая женщина, возвышаются над земной властью «царей» и сохраняют своё духовное превосходство, подпитанное святынями русского православия, символизированными в образах торжественно и победно звонящих колоколов («перекатился колокольный гром») и «сорока сороков церквей»:

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

[Цветаева 1: 271].

Мотив звонящих колоколов не только постоянно варьируется в цикле «Стихи о Москве», но и является стержневой константой поэзии Цветаевой, неизменно сохраняя коннотацию сакральности. По представлениям Цветаевой, колокольный звон мистически связан с приходом в мир новой человеческой души, с рождением ребёнка (дочери Ариадны) («Девочку мою встречали ранние колокола» («Девочка – царица бала...»)) [Цветаева 4: 556], с её собственным появлением на свет: «В колокольный я, во червонный день / Иоанна родилась Богослова» («Семь холмов – как семь колоколов!...») [Цветаева 1: 272]; «Спорили сотни / Колоколов» («Красною кистью...») [Цветаева 1: 273].

Концепция личности Петра I, намеченная в цикле «Стихи о Москве», развивается и в лирическом цикле «Москве», написанном в декабре 1917 года. Теперь в стихотворении «Когда рыжеволосый Самозванец...» Пётр I характеризуется Цветаевой не просто как ниспровергатель величавой столицы России, испытывающий к ней враждебность, – он оказывается её жестоким врагом. Царь предстаёт в облике неблагодарного сына, способного убить свою мать: «Как Пётр-Царь, презрев закон сыновний, / Позарился на голову твою...» [Цветаева 1: 380]. Цветаева сталкивает, сопоставляет различные эпохи, выявляя в них глубинное родство, чтобы подчеркнуть роковую повторяемость русской истории. Показательно, что в контексте данного стихотворения Пётр I поставлен в один ряд с такими мучителями Москвы, как Дмитрий Самозванец, Наполеон и подразумеваемые, но не названные большевики. Но на этот раз Москва не просто сохраняет своё достоинство, «первенство» и духовное превосходство – она активно и дерзко сопротивляется деспотизму Петра I, подобно мятежной бунтарке боярыне Морозовой. Как видим, поэтесса смещает временные пласты, ибо Федосия Прокофьевна Морозова реально выступала против реформ Никона в царствование отца Петра Алексея Михайловича. Цветаева лирически осваивает и преломляет образ боярыни Морозовой с известной картины В.И. Сурикова (1887), творчество которого было ей весьма близким [Зверева: 94–101], чтобы сказать о стойкости Москвы, о её бесконечной преданности религиозной вере предков: «Боярыней Морозовой на дровнях, / Ты отвечала Русскому Царю» [Цветаева 1: 380].

В противостоянии Петру I, как и Самозванцу (Гришке Отрепьеву), непокорённая Москва отстаивает своё право быть средоточием коренных русских национальных начал. Она категорично не признаёт навязывание ей чужеземных, прежде всего западных, путей развития. Во втором стихотворении цикла, обращаясь к Москве, Цветаева заявляет: «Гришка-Вор тебя не ополячил, / Пётр-Царь тебя не онемечил» [Цветаева 1: 380]. Использование для характеристики исторической деятельности Петра I глагола «онемечил», содержащего ироническую окраску, несомненно, сигнализирует об авторском неприятии петровских реформ, ориентированных на западную цивилизационную модель.

Однако, согласно историософской концепции, представленной в этом цветаевском цикле, в своей жестокости и кровожадности большевики, оказывающиеся преемниками и последователями Петра, во многом превосходят даже своего предтечу. Во втором стихотворении цикла большевизм в изображении поэтессы предстаёт в образе демонической силы, напору которой Москва в новый исторический пери-

од совсем не способна сопротивляться. Из твёрдой духом боярыни Морозовой, бросающей вызов земной власти царя Петра, Москва перевоплощается в обессиленную женщину-мать, отчаявшуюся и потерявшую волю: «Что же делаешь, голубка? – Плачу. / Где же спесь твоя, Москва? – Далече» [Цветаева 1: 380]. Теперь она не может противоборствовать ни святотатству, чинимому её новыми врагами-истязателями, ни убийству собственных детей: «– Где кресты твои святые? – Сбиты. / Где сыны твои, Москва? – Убиты» [Цветаева 1: 380].

Примечательно, что финалом лирического триптиха «Москве» становится стихотворение «Жидкий звон, постный звон...», в котором Цветаева вновь возвращает читателя в начало петровской эпохи. Т.В. Зверева справедливо находит в этом произведении отсылку к картине В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881) [Зверева: 95]. Однако аллюзии на образы и мотивы суриковского полотна поэтесса существенно дополняет собственными лирическими рефлексиями, отталкивающимися от личностного восприятия петровского времени. В этом стихотворении Цветаева прихотливо сплетает разноплановые ассоциации, используя фетовскую модель безглагольного лирического стихотворения, состоящего только из назывных предложений.

В начале стихотворения вновь возникает лейтмотив колокольного звона, являющийся художественным маркером образа Москвы. Но если в цикле «Стихи о Москве» колокола празднично и победно «гремели», то в данном стихотворении сообщается о «постном звоне», который отличается большим интервалом между ударами и потому характеризуется поэтессой эпитетом «жидкий»: «Жидкий звон, постный звон» [Цветаева 1: 381]. От аудиального мотива, выполняющего функцию эмоционального камертона произведения, Цветаева переходит к визуальной ассоциации: она только намекает на один из центральных образов картины Сурикова «Утро стрелецкой казни» – образ стрельца, прощающегося с народом: «На все стороны – поклон» [Цветаева 1: 381]. Как указывает искусствовед В.С. Кеменов, комментирующий замысел Сурикова, по требованию закона петровского времени «преступники, выслушав смертный приговор, молились на образ Спасителя, кланялись на все стороны и просили прощения у народа» [Кеменов: 213].

Далее Цветаева передаёт ощущение ужаса от кровавой атмосферы насилия, культивируемого в период царствования Петра, через парадоксальное соединение звуковых («крик младенца, рёв коровы»; «плёток свист»; «голубиный рокот тихий») и визуальных деталей («снег в крови»; «чёрные глаза Стрельчихи»). Портретный штрих «чёрные глаза Стрельчихи», завершающий стихотворение, очевидно, является ал-

люзией на образ жены чернородого стрельца, потрясённой происходящим. Он играет весьма важную смыслообразующую роль в композиции исторического полотна Сурикова. Подобно образу стрельца, прощающегося с народом, именно этот женский образ был выделен Цветаевой из многочисленных персонажей суриковской картины. При этом, выхватывая из калейдоскопа пёстрых визуальных впечатлений деталь «чёрные глаза Стрельчихи», поэтесса творчески следовала за живописной интенцией. По точному замечанию В.С. Кеменова, Суриков сделал особый акцент на изображении глаз жены чернородого стрельца: они «широко открыты от ужаса и застывшего в них горя» [Кеменов: 147]. Такой смысловой аккорд стихотворения и цикла Цветаевой в целом концептуально значим: для поэтессы в конечном счёте оказывается первостепенно важным, прежде всего, женский взгляд на происходящее. Причём, добиваясь предельной экспрессии поэтического текста, Цветаева сжимает, спрессовывает осмысливаемые исторические события, уходя от повествовательности, эпичности, строгой историчности суриковского полотна. Она явно вырывается и из хронологических рамок сюжета стрелецкой казни, когда упоминает «плётки свист» и «снег в крови», поскольку восстание стрельцов и их казнь происходили в июне. Это – индивидуально-авторские образы Цветаевой. Изображения ни того, ни другого нет на исторически достоверной картине Сурикова. Подпитываясь впечатлениями от картины Сурикова, Цветаева стремилась подвести читателя к постижению трагедии не только конкретного исторического события (казни стрельцов), но и к ощущению катастрофичности, противоречий и тайн петровской эпохи как таковой. Несомненно, лаконизм и смысловая ёмкость этого стихотворения отнюдь не исключают высокой степени философского обобщения, достигнутой автором.

В этом стихотворении нет никакого описания внешности Петра (так проявляется частичный отход Цветаевой от используемого в стихотворении приёма экфрасиса, с помощью которого создаётся творческий диалог-согласие с картиной Сурикова), характеристики его личности и конкретной оценки его деяний. Упоминается только «слово дерзкое царёво» [Цветаева 1: 381], обладающее колоссальной властью и творящее на Московской земле зло и жестокость. Но принципиально то, что ему всё-таки противостоит и с ним соперничает «слово тёмное Любви» [Цветаева 1: 381], как бы то ни было, венчающее происшедшие страшные события. Между второй и третьей строфами возникает синтаксическая параллель, образующая смысловую антитезу: «слово дерзкое царёво» – «слово тёмное Любви». В данном поэтическом контексте лексема «тёмное» используется в значении «непостижимое», «таинственное»,

«загадочное». Об этом косвенно свидетельствует написание слова «любовь», входящего в состав словосочетания «слово тёмное Любви», с прописной буквы. Посредством этого приёма транслируется авторская аксиология: Любовь, согласно поэтической философии Цветаевой, оказывается всё преобладающей силой бытия. Неслучайно фраза «слово тёмное Любви» из третьей строфы коррелирует и семантически «рифмуется» с образом черноглазой «Стрельчихи», страдающей не только за своего мужа, но и за весь московский люд, и, в отличие от всемогущего Петра, обладающей высшей мистической тайной.

Цветаева не скрывала, что считала антиподом Петра I его опальную сестру, царевну Софью Алексеевну. В стихотворении «Есть подвиги. – По сёлам стих...» (1920) она не просто открыто выразила симпатию по отношению к москвичке Софье, но сделала её образ лирическим отражением своего «я». По справедливому замечанию А. Саакянц, поэтесса «отождествляет переживания своей героини с молчаливыми страданиями Софьи Алексеевны, сестры Петра Первого, заточенной в монастырь бунтарки, осмелившейся перечить царю <...>» [Саакянц: 87]. Цветаева очень точно и лаконично описывает психологическое состояние Софьи, потерпевшей поражение в борьбе за власть. Поэтесса говорит о её силе воли, чувстве собственного достоинства и в то же время раскрывает страстность её природы, мощь её темперамента, акцентируя в портрете героини жест, своей жёсткостью, резкостью и порывистостью напоминающий движения Петра: «– Так, нахлобучив кулаком скуфью / Не плакала Царевна Софья!» [Цветаева 1: 564]. Образ царевны Софьи, поражающей своей стойкостью и самообладанием, становится органической частью лирического мифа Цветаевой о «Москве-женщине» [Быстрова: 295].

Со стихотворением «Есть подвиги. – По сёлам стих...» тематически связано стихотворение «Петру», написанное в августе 1920 года и вошедшее в сборник «Лебединый стан». В нём развивается и обогащается концепция личности Петра I, репрезентированная в цветаевских лирических циклах «Стихи о Москве» и «Москве». На этот раз обращение к основателю Петербурга написано в форме инвективы. «А Пётр – сплошное обличение! <...>», – признавалась сама Цветаева, характеризуя в письме к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 года своё произведение и полагая, что аналогичным образом к царю-реформатору относятся и участники евразийского движения [Цветаева 6: 318]. В стихотворении «Петру» присутствуют все обязательные элементы, формирующие семантическую структуру инвективы: «обвинение», «доказательство», «угроза» [Краковяк: 9]. В первых двух строфах поэтесса формулирует главное «обвине-

ние» Петру I: она упрекает его за уничтожение коренного национального уклада, традиций, накопленных «дедами»: «Не ты б – всё по сугробам санки / Тащил бы мужичок» [Цветаева 1: 564]. В активной деятельности «царя-Плотника», на словах устремлённого в будущее, она видит не благородное созидание ради нового, молодого поколения России, а умножение зла:

Вся жизнь твоя – в едином крике:
– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распрвеликий,
Распорядитель снов.

Не на своих сынов работал
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего

[Цветаева 1: 564].

Симптоматично выражение «распорядитель снов»: за этой метафорой скрывается авторское обвинение Петру I в стремлении подчинить государственной воле внутренний и потаённый мир человека, воплощённый для Цветаевой в области «снов» (не случайно и природа художественного творчества часто воспринималась поэтессой как сновидный феномен). Справедливо подчёркивает Е.О. Айзенштейн: «Сон называла Цветаева любимым видом общения, своим часом суток и временем года, своей широтой и долготой. Это сфера, через которую она говорила о высших переживаниях души» [Айзенштейн: 46].

При этом вторая строфа цветаевского стихотворения, выносящая вердикт «бесовщине» Петра I, явно ориентирована на полемическую переключку со «Стансами» (1826) А.С. Пушкина, где выражено восхищение первого поэта России разносторонней одарённостью царя, многогранностью его личности: «То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник» [Пушкин: 307].

В то же время в целом концепция личности Петра I, художественно воплощённая в рассматриваемом стихотворении Цветаевой и в циклах «Стихи о Москве» и «Москве», генетически и типологически перекликается с идеологией и философией славянофилов и Н.Я. Данилевского [Мартынова], [Гобозов: 47–51]. Кроме того, цветаевское осмысление образа Петра I в данном произведении в определённой мере родственно одной из многочисленных линий мифологизации личности царя-реформатора, представленной в многоплановом романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» (1905) (вошёл в трилогию «Христос и Антихрист»). Известно, что Цветаева очень ценила и любила творчество Мережковского, в том числе его роман «Пётр и Алексей». Об этом она, в частности, признавалась в письме к М.С. Цетлиной от 31 мая 1923 года [Цветаева

6: 550]. А в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 14 февраля 1925 года Цветаева сообщала, что перечитывает роман Мережковского «Пётр и Алексей» [Цветаева 6: 720]. В трактовке Мережковского образ Петра оказывается весьма сложным и противоречивым. Он раскрывается одновременно в самых разных, в том числе антитетичных, смысловых регистрах, о чём не раз писали современные исследователи [Вальчак, Никольский; Михайлова]. Цветаева же из многозначного мира символистского романа выбирает лишь одну историософскую проекцию и преломляет её в стихотворении «Петру». Она, подобно Мережковскому [Плешкова: 69], в определённой мере художественно воссоздаёт точку зрения на Петра-Антихриста, воплотившуюся в народном сознании и, прежде всего, в восприятии старообрядцев [Перри], яростно сопротивлявшихся реформам царя, вплоть до саможжения: «Родоначальник – ты – развалин, / Тобой – скиты горят! / Твоею же рукой провален / Твой баснословный град...» [Цветаева 1: 565].

В стихотворении «Петру» ориентация Цветаевой на чужое сознание модифицирует форму выражения лирических эмоций, вызывая к жизни феномен intersubjectности. В стихотворении пересекаются и взаимодействуют два голоса. Первый голос принадлежит лирическому герою, выражающему авторскую интенцию. А второй голос намечает образ персонажа ролевой лирики (гневногo старообрядца, яростно обличающего Петра-Антихриста). Не случайно Цветаева стилизует свою лирическую инвективу как под возвышенную, трибунную риторику, так и под стихию народной «молви», насыщая поэтическую ткань произведения контрастными компонентами: и архаичными словами («сынов», «внучок», «подъёмля»), и разговорно-просторечной лексикой («не ладил бы <...> ребячьих кораблём») [Цветаева 1: 564–565].

С романом Мережковского цветаевское стихотворение диалогически соотносится и по линии мотива обвинения Петра I в гибели царской династии. У Мережковского этот мотив реализуется в форме пророчества опального царевича Алексея. В отчаянии он бросает страшное обвинение самому Петру, отцу, поднявшему руку на собственного сына: «– И падёт сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию!...» [Мережковский: 220]. В стихотворении Цветаевой, отзывающемся на слухи о том, что последний русский император «расстрелян на каком-то уральском полустанке» [Цветаева 1994, 1: 564], а по сути – на реальные исторические события, предсказание царевича Алексея предстаёт как свершившееся: «Не гнил бы там на полустанке/ Последний твой внучок»; «Державного однофамильца кровь на тебе, бунтарь!» [Цветаева 1: 564–565].

Как верно отметила В. Швейцер [Швейцер: 191], интерпретационный подход к образу Петра, задействованный в этом произведении Цветаевой, в определённой мере сближается и с позицией М.А. Волошина, отразившейся в поэме «Россия». Она была написана в Коктебеле в феврале 1924 года, то есть несколько позднее, нежели стихотворение «Петру». Волошин в своей историософской поэме представляет историю России как раскручивающуюся спираль, с постоянными витками-возвратами к эпохе Петра I. Как и Цветаева, он оценивает расстрел царской семьи, изображённый в поэме с ужасающими натуралистическими подробностями, как разрыв в русской истории, подготовленный правлением Петра I, наполненным насилием и кровопролитием: «Всё кончено. Петровский замкнут круг» [Волошин: 344]. Оба поэта уверены в том, что в социальных экспериментах большевиков, поднявших Россию на дыбы, воплотилась и усилилась энергия петровских реформ, основанных на принуждении и страхе и заложивших будущие социальные катаклизмы. Обличая Петра I, Цветаева восклицает: «*Ты под котёл кипящий этот – / Сам подложил углей! / Родоначалник – ты – Советов, / Ревнитель Ассамблей!*» [Цветаева 1: 565]. Родство большевиков с Петром она опосредованно выявляет и в стихотворении «Белогвардейцы! Гордиев узел...», вошедшем в «Лебединый стан». В нём звучит воинственный призыв уничтожить Антихриста, захватившего Россию: «Белогвардейцы! Чёрные гвозди / В рёбра Антихристу!» [Цветаева 1: 415]. Ей вторит Волошин, увидевший истоки большевизма в деятельности Петра I:

Великий Петр был первый большевик, –
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.

Он, как и мы, не знал иных путей
Опречь указа, казни и застенка
К осуществлению правды на земле

[Волошин: 344–345].

Однако в поэме Волошина «Россия», как и в романе Мережковского, образ Петра I интерпретируется многомерно. Волошин, откровенно говоря о жестокости и беспощадности основателя Северной столицы, в то же время признаёт грандиозный масштаб его личности, называет Петра I «гением», «исполином» [Волошин: 343]. В лирической же инвективе Цветаевой, как уже отмечалось, нет полутонов: стихотворение пронизано обличительным сарказмом. По законам жанра, произведение завершается категоричной «угрозой» виновнику всех бед России. При этом Цветаева жёстко обозначает вектор правильного, с её точки зрения, исторического пути России, нацеленного на возврат к своим национальным

корням. Этот альтернативный путь ассоциируется у неё с личностью царевны Софьи:

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть – сестра...
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!

[Цветаева 1: 565].

Резкий поворот в интерпретации образа Петра I обозначается в стихотворении «Пётр и Пушкин» (1931), вошедшем в лирический цикл «Стихи к Пушкину» и созданном Цветаевой уже в эмиграции. В этом произведении поэтесса не просто реабилитирует Петра, но предлагает совершенно противоположную оценку его личности и деятельности по сравнению с предшествующими стихотворениями и, прежде всего, – «Петру». Поляризация трактовки образа Петра выражается и в жанровой инверсии: форма лирической инвективы заменяется своеобразной шутилой одой «царю и поэту», словно имитирующей искромётную игру, светлый юмор и артистизм пушкинской поэзии. В первой части стихотворения величайшим деянием Петра, выделяющимся из всех его «славных дел» и превосходящим по своей исторической значимости даже строительство Санкт-Петербурга, Цветаева объявляет сотворение гения Пушкина. Таким образом, теперь Пётр из «родоначальника Советов» превращается в прародителя Пушкина, в зачинателя великой русской литературы, а из Антихриста – в послушного исполнителя Божьей воли:

Не флотом, не по́том, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряда,
Не сносом – всего, чему срок,

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привёз Ганнибала-
Арапа не белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утёр и наставил, – от внука-
То негрского – свет на Руси!

[Цветаева 2: 283–284].

В стихотворении «Пётр и Пушкин» Пётр I выступает уже не как разрушитель коренного уклада русской жизни, а как созидатель, обогативший духовную жизнь России, «подаривший» ей Пушкина. Такая оценка Цветаевой итогов деятельности Петра удивительным образом резонирует со следующими

высказываниями В.С. Соловьёва, защищавшего царя-реформатора от нападков оппонентов (1888): «Нет надобности доказывать, что Петровской же реформе Россия обязана всем своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы. Если бы тут мог быть какой-нибудь вопрос, то на него уже ответили величайшие представители русского образования и литературы в прошлом и в настоящем веке – Ломоносов и Пушкин, неразрывно связывавшие своё имя с именем Петра» [Соловьёв: 180].

Вторая и наиболее обширная часть стихотворения (десять строф из восемнадцати) содержит развёрнутое противопоставление личности Петра I его «недостойным потомкам»: Николаю I и Александру I [Шевеленко: 386], [Кихней, Круглова: 47]. В ней Цветаева возвышает образ основателя Санкт-Петербурга и буквально уничтожает его преемников. У Николая I она находит смертоносный взгляд чудовищного мифического змея «василиска» [Мифы народов мира: 218], а Александра I, утратившего харизму Петра Великого, уничижительно именуется «подонком» и «опёнком» [Цветаева 1994, 2: 285]. Несколько ранее в поэме «Россия», подобно Цветаевой, Волошин развёл личности Петра Великого, «исполина», и Николая II, «зиявшего непристойной пустотой» на фоне предка [Волошин: 343]. По мнению поэта, «добрый» Николай погубил дело жизни Петра – «стёр блистательное имя» Санкт-Петербурга [Волошин: 343].

Цветаева, по сути, продолжает мотивику «Стансов» Пушкина, воображая, какими гармоничными могли быть отношения Петра и Пушкина, если бы они жили в одно время. Поэтесса словно бы альтернативно «переписывает» биографию Пушкина, вычёркивая из неё все обиды, нанесённые Пушкину Николаем I и Александром I, пытавшимися лишить поэта творческой свободы. Их фигуры Цветаева замещает образом Петра Великого. В результате разворачивается своеобразный лирический сюжет, драматургически дополненный вымышленными репликами Петра, обращёнными к Пушкину.

Оригинальна речевая организация этого стихотворения, основанная на пёстрой лексической мозаике, складывающейся из возвышенных (архаичных) слов и разговорных элементов. Как и в стихотворении «Петру», Цветаева наслаивает друг на друга две фонтанирующие речевые стихии, ориентированные на устное, звучащее слово. Одна из них отсылает к авторской точке зрения, а другая – транслирует голос рассказчика, человека из народа, обладающего бессознательным юмором. Причём этот остроумный рассказчик временами перевоплощается и в самого Петра Великого, который в рамках лирического нарратива говорит простонародным языком. Поэтесса виртуозно сталкивает возвышенную и сниженную лексику, мастерски достигая комического эффекта:

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Пльиви – ни об чём не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать»

[Цветаева 2: 284].

Характеризуя личность Петра, в этом стихотворении Цветаева не скупится на экспрессивные перифразы-комплименты, окрашенные доброй иронией. Теперь Петр назван «царём-грамотеем», «гигантом» [Цветаева 2: 284]. Возвышение образа Петра в этом стихотворении идёт по принципу нарастания. В этом стихотворении в оценке Цветаевой творческая энергия царя-реформатора связывается не только с его земной деятельностью, но и с устремлённостью к небесной выси: «Гигант, отпустивши пииту, / Помчал по земле или *над*» [Цветаева 2: 284]. Тем самым поэтесса проводит своеобразную философскую параллель: уравнивает «дело» поэта и «дело» государя.

Нельзя не согласиться с И. Шевеленко, которая указывает, что в этом стихотворении Цветаева создаёт свой миф о «пушкинской родословной» [Шевеленко: 386]. Но она творит и миф о Петре I – праделе равновеликого ему Пушкина. Поэтесса стремится сблизить Петра и Пушкина даже внешне, акцентируя в портрете царя-реформатора смуглый цвет лица: «Сей не по снегам смуглолицый / Российским – снегов Измаил!» [Цветаева 2: 284]. Цветаева проецирует на личность Петра образ ветхозаветного персонажа Измаила, побочного сына Авраама, изгнанного из дома отца за насмешливость и в то же время выполнившего свою миссию, определённую Творцом (ставшего родоначальником арабского народа) [Мифы народов мира: 482; Вихлянцев]. Несомненно, сквозь призму образа Измаила просматривается также психологический и духовный облик Пушкина. Через эту образную параллель Цветаева также подчёркивает сходные черты в психологическом складе основателя Санкт-Петербурга и первого поэта России. С её точки зрения, Пётр и Пушкин оказываются подобными друг другу и по сложной, смешанной этнической структуре личности: «Сей, не по кровям торопливый / Славянским, сей *тоже* – метис!» [Цветаева 2: 284].

Считая духовное родство царя и поэта, обладающих равной творческой силой и властью над миром, важнее родства по крови, Цветаева даже оправ-

дывает убийство «малодушного» царевича Алексея, совершённое по приказу Петра: «Сим – так ненавидевшим робость / Мужскую, – что сына убил / Сробевшего» [Цветаева 2: 285]. В финале стихотворения, обращаясь к Пушкину, она с помощью афористичных поэтических формул очерчивает свою версию «родословной» поэта и благодарит Петра за его величайший дар русской культуре, ставший залогом национального бессмертия:

Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – *ты*

Останешься. Заговор равных
И вот не спросясь повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра

[Цветаева 2: 285].

Итак, смысловая эволюция образа Петра I в цветавской лирике укладывается в рамки триады: Пётр – противник Москвы («Стихи о Москве», «Москве»); Пётр – Антихрист, виновный в послеоктябрьских бедах России («Петру»); Пётр – «родоначальник» Пушкина («Стихи к Пушкину»). Столь резкий перелом в интерпретации образа Петра I, произошедший в цикле «Стихи к Пушкину», свидетельствует не только об импульсивном изменении восприятия Цветаевой деятельности царя-реформатора, но и о стремлении поэтессы осветить разные грани этой противоречивой исторической личности.

Список литературы

- Айзенштейн Е.О.* Сны Марины Цветаевой. СПб.: Академический проект, 2003. 464 с.
- Ахнашева Н.М.* Аспект историчности в стихах М.И. Цветаевой // Вестник государственного университета им. Н.Ф. Каганова. 2016. № 15. С. 12–15.
- Быстрова Т.А.* Москва – женщина // Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба. Десятая цветавская международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2002 г.): сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С. 292–300.
- Вальчак Д., Никольский Е.В.* Архетип антихриста в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // ART LOGOS. 2019. 4 (9). С. 68–84.
- Вихлянцев В.П.* Библейский словарь. URL: <http://bible.by/lexicon/vihlyancev/word/1845/> (дата обращения: 2.09.2021).
- Волошин М.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. / под ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве, Н.А. Струве. Париж: ИМКА-Пресс, 1982. Т. 1. 532 с.

Гобозов И.А. Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // Философия и общество. 2019. № 2. С. 40–61.

Зверева Т.В. Суриковский след в русской поэзии XX века // Филологический класс. 2018. № 1. С. 94–101.

Кеменов В.С. В.И. Суриков: Историческая живопись: М.: Искусство, 1987. 567 с.

Кихней Л.Г., Круглова Т.С. Проблема адресата в цикле Марины Цветаевой «Стихи к Пушкину» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 40–48.

Краковяк А.С. Инвектива как литературный жанр: проблемы структуры и генезиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 18 с.

Мартынова О.А. Петр I и его деятельность в философии ранних славянофилов. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18304 (дата обращения: 2.09.2021).

Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. Т. 5: Антихрист (Пётр и Алексей). 291 с.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 1: А–К. 672 с.

Михайлова И.М. Принцип двоения в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1. Ч. 1. С. 15–18.

Перри М. Русская народная эсхатология и легенда о Петре I как об антихристе // Вестник СПбГУ. 2016. № 4. С. 77–86.

Плешкова О.И. Образ Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. (Пётр и Алексей)» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 63–71.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / примеч. проф. Б.В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 2: Стихотворения. 401 с.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.

Скрипова О.А. Марина Цветаева как «московский» поэт // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 43–53.

Соловьёв В.С. Несколько слов в защиту Петра Великого. 1888 // Соловьёв В.С. Собр. соч. / под ред. и с прим. С.М. Соловьёва, Э.Л. Радлова. СПб.: Книгоиздательство товарищества «Просвещение», 1912. Т. 5. С. 161–180.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст.; сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 544 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

References

- Aizenstein E.O. *Sny Mariny Cvetaevoj* [Dreams of Marina Tsvetaeva]. Saint Petersburg, Academic project Publ., 2003, 464 p. (In Russ.)
- Akhpasheva N.M. *Aspekt istorichnosti v stihah M.I. Cvetaevoj* [The aspect of historicity in the poetry of M.I. Tsvetaeva]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of the State University named after N.F. Katanov], 2016, № 15, pp. 12–15. (In Russ.)
- Bystrova T.A. *Moskva – zhenshhina* [Moscow is a woman]. *Marina Cvetaeva: jepoha, kul'tura, sud'ba. Desjataja cvetaevskaja mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija (Moskva, 9–12 oktjabrja 2002 g.): sb. dokladov* [Marina Tsvetaeva: era, culture, destiny. The tenth Tsvetaevskaya international scientific-thematic conference (Moscow, October 9–12, 2002): collection of reports]. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2003, pp. 292–300. (In Russ.)
- Valchak D., Nikolsky E.V. *Arhetip antihrista v trilogii D.S. Merezhkovskogo “Hristos i Antihrist”* [The archetype of antichrist in D.S. Merezhkovsky “Christ and Antichrist”]. *ART LOGOS*, 2019, 4 (9), pp. 68–84. (In Russ.)
- Vikhlyantsev V.P. *Biblejskij slovar' Biblejskij slovar'* [Bible Dictionary]. URL: <http://bible.by/lexicon/vikhlyantsev/word/1845/> (access date: 2.09.2021). (In Russ.)
- Voloshin M. *Stihotvorenija i pojemy: v 2 t.* [Poems: in 2 vols.], ed. by B.A. Filippov, G.P. Struve, N.A. Struve. Paris, YMCA-Press Publ., 1982, vol. 1, 532 p. (In Russ.)
- Gobozov I.A. *Filosofsko-istoricheskoe osmyslenie reform Petra I i ih posledstvij* [Philosophical and historical understanding of the reforms of Peter I and their consequences]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society], 2019, № 2, pp. 40–61. (In Russ.)
- Zvereva T.V. *Surikovskij sled v russkoj poezii XX veka* [Surikov's trace in Russian poetry of the twentieth century]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2018, № 1, pp. 94–101. (In Russ.)
- Kemenov V.S. *V.I. Surikov: Istoricheskaja zhivopis* [V.I. Surikov: Historical painting]. Moscow, Art Publ., 1987, 567 p. (In Russ.)
- Kihney L.G., Kruglova T.S. *Problema adresata v cikle Mariny Cvetaevoj “Stihi k Pushkinu”* [The problem of the addressee in the cycle of Marina Tsvetaeva “Poems to Pushkin”]. *Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism. Journalism], 2016, № 2, pp. 40–48. (In Russ.)
- Krakovyak A.S. *Invektiva kak literaturnyj zhanr: problemy struktury i genezisa: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Invective as a literary genre: problems of structure and genesis: DSc thesis, summary]. Saint Petersburg, 2010, 18 p. (In Russ.)
- Martynova O.A. *Petr I i ego dejatel'nost' v filosofii rannih slavjanofilov* [Peter I and his activities in the philosophy of early Slavophiles]. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18304 (access date: 2.09.2021). (In Russ.)
- Merezhkovsky D.S. *Poln. sobr.: v 24 t.* [Complete works: in 24 vols.]. Moscow, Printing house of the partnership I.D. Sytina Publ., 1914, t. 5: *Antihrist (Pjotr i Aleksej)* [Vol. 5: Antichrist (Peter and Alexei)], 291 p. (In Russ.)
- Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.], ed. by S.A. Tokarev. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1982, t. 1: A–K [vol. 1: A–K], 672 p. (In Russ.)
- Mikhailova I.M. *Princip dvoenija v romane D.S. Merezhkovskogo “Antihrist (Pjotr i Aleksej)”* [The principle of double vision in the novel by D.S. Merezhkovsky “Antichrist (Peter and Alexei)”]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9: Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9: Philology. Oriental studies. Journalism], 2007, issue 1, part 1, pp. 15–18. (In Russ.)
- Perry M. *Russkaja narodnaja jeshatologija i legenda o Petre I kak ob antihriste* [Russian folk eschatology and the legend of Peter I as the Antichrist]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2016, № 4, pp. 77–86. (In Russ.)
- Pleshkova O.I. *Obraz Petra I v romane D.S. Merezhkovskogo “Antihrist. (Pjotr i Aleksej)”* [The image of Peter I in the novel by D.S. Merezhkovsky “Antichrist. (Peter and Alexey)”]. *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoy akademii* [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy], 2010, № 4, pp. 63–71. (In Russ.)
- Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.], notes by prof. B.V. Tomashevsky; USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House); 4th. Leningrad, Nauka Publ., 1977, t. 2: *Stihotvorenija* [Vol. 2: Poems], 401 p. (In Russ.)
- Sahakyants A. *Marina Cvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and creation]. Moscow, Ellis Lack Publ., 1997, 816 p. (In Russ.)
- Skripova O.A. *Marina Cvetaeva kak “moskovskij” pojet* [Marina Tsvetaeva as a “Moscow” poet]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and trends], 2019, № 3, pp. 43–53. (In Russ.)
- Solovyov V.S. *Neskol'ko slov v zashhitu Petra Velikogo. 1888* [A few words in defense of Peter the Great. 1888]. Solovyov V.S. *Sobr. soch.* [Collected Works], ed. and notes by S.M. Solovyov, E.L. Radlov. Saint Petersburg, Publishing house of the partnership “Education” Publ., 1912, vol. 5, pp. 161–180. (In Russ.)
- Tsvetaeva M. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.], introductory article; comp., prepared.

text and comments by A. Sahakyants, L. Mnukhin. Moscow, Ellis Luck Publ., 1994–1995. (In Russ.)

Schweitzer V. *Byt i bytie Mariny Cvetaevoj* [Life and Being of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Interprint Publ., 1992, 544 p. (In Russ.)

Shevelenko I. *Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora v kontekste jepo-hi* [Tsvetaeva's Literary Path: Ideology – Poetics – Aut-

hor's Identity in the Context of the Epoch]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002, 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2021; одобрена после рецензирования 16.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.06.2021; approved after reviewing 16.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.